

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

*Тюльпан
и сауда*

16+

Джавид Алакбарли

Любовь и голуби

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319235

SelfPub; 2022

Аннотация

Обычное дорожно-транспортное происшествие создаёт совершенно нереальную ситуацию, когда голуби начинают кружиться над больницей «Скорой помощи» по весьма странному графику и маршруту. Счастливый конец связан с тем, что и голуби, и не мыслящий себе жизни без них заядлый голубятник, и даже избалованная папина дочка, обретают своё выстраданное счастье.

Джавид Алакбарли

Любовь и голуби

Машина сбила этого парня прямо на пешеходной зебре. Не повезло. Но повезло хотя бы в том, что водитель наехавшей на него машины сразу же привез его к нам, в больницу «Скорой помощи». Впрочем, язык не поворачивается назвать это очаровательное существо таким казенным словом, как «водитель». Эта девушка могла бы составить честь любому бренду, который специализируется на одежде и аксессуарах для крупных женщин. При всей кажущейся скромности ее облика, тонкое чувство вкуса ощущалось в каждой детали её туалета.

Да, она была явно птицей высокого полета. Это было ясно всем нам еще до того, как мы ее увидели. Минут за десять до нее во двор «Скорой» приехал какой-то солидный дядечка в сопровождении «Хаммера» с крутыми номерами и не менее крутыми мужиками. Когда ее машина уже въехала во двор, все эти качки сразу бросились к ней. Их не интересовала ни суть произошедшего, ни состояние пострадавшего. Они хотели лишь одного – чтобы никто ничего не узнал о наезде и не был составлен официальный протокол о происшествии. При этом самое главное, конечно же, сводилось к тому, чтобы никто не увидел и не сфотографировал эту девушку.

– Надо срочно уезжать отсюда!

Именно эти слова судорожно повторял седоватый мужчина, видимо являющийся самым главным среди них. Судя по всему, он был её отцом. Но все его попытки увезти девушку оказались тщетными. Она никуда не уехала. Вопреки всем уговорам она просто последовала за носилками со сбитым ею молодым человеком в приемное отделение.

– Ну папа, ну пожалуйста. Сделай немедленно хоть что-то. Он ведь не умрёт?

Её отец, с ярко выраженным отчаянием на лице, лишь устало приговаривал:

– Ну, Солнышко, ну, Лала, ну, пожалуйста, я все сделаю. Будь уверена, всё-всё сделаю. Только ты поезжай домой.

Но даже в том, как он это говорил, чувствовалась некая унылая безнадежность. Очевидно, что он лучше всех понимал, что никуда эта Лала не уедет и никого эта Лала не послушается. А значит, что всем им предстоит, видимо, веселенькая бессонная ночь. Тем более, что перелом у этого парня оказался очень сложным, со смещением и множественными осколками. В приёмном отделении уже все подтрунивали, что, видимо, эта мадемуазель, при виде перекрестка с красным светом, вместо тормоза нажала на газ.

В таких случаях мы обычно приглашаем консультанта из травматологического центра. Стоило лишь заикнуться об этом, как его тут же привезли к нам, побив все существовавшие до этого рекорды срочной доставки специалистов. Судя по тому, как этот врач общался с отцом нашей красавицы,

нам всем стало ясно, что светило постарается сделать максимум из того, что было возможно сделать в сложившейся непростой ситуации.

Операция началась почти незамедлительно. Все были преисполнены уверенности, что после вмешательства травматолога такого уровня, у парня, конечно же, всё будет в порядке. Однако наш медбрат дядя Маис, чрезмерно скептически, но реально, оценивая всю эту ситуацию, не переставая приговаривал:

– Бедняга, это теперь надолго. Он минимум полгода будет расхлебывать всё это. И дай Бог, если без последствий. Лишь бы обошлось без хромоты.

Её отец все-таки сумел добиться своего и отправил мадам-муазель домой. Она согласилась уехать только после того, как убедилась, что, несмотря на все её уговоры, её всё же не пустят в операционную. Но вопреки всем нашим прогнозам рано утром она вновь объявилась. Очевидно, роль сестры милосердия пришлась ей по вкусу. Кто знает, может быть её грызли угрызения совести по поводу того, что она вывела из строя такого здоровенного парня. Хотя, нашей главной медсестре хватило лишь мимолётного взгляда на носилки, чтобы ещё вчера сделать свой точный вывод, не подлежащий какому-либо обсуждению.

– Да, господи. Коню ясно, что она втюрилась в этого парня с первого взгляда. Потому и перепутала педали. Жаль красавца.

Уходя с дежурства рано утром, я еще раз имел удовольствие столкнуться с Лалой в воротах больницы. Вернее, не с ней, а с ее автомобилем. Судя по тому, как она заворачивала на стоянку, наверняка, наш новый подопечный далеко не первый и не последний человек, оказавшийся жертвой ее водительского «искусства».

Когда через день я вновь вернулся на дежурство, вся больница активно обсуждала вопросы, очень далекие от мира медицины. Если бы я сам не был реальным участником этих событий, то никогда бы не поверил, что в такой обычной ситуации могут происходить такие неординарные события. Оказывается, придя в себя после наркоза, пострадавший позвонил отцу. Тот, конечно же, незамедлительно приехал. И привез с собой его любимого голубя. В кармане. Птице он просто-напросто велел сидеть тихо, прекрасно понимая, что медработники вряд ли предусматривают в своих инструкциях по посещению больных, появление здесь представителей птичьего царства. Ну, разве что в виде курицы в бульоне.

Этот голубь просто поразил дядю Маиса. Он захлёб рассказывал мне всё то, что происходило в этот день в палате нашего больного. Больше всего его поразила картина общения нашего больного с этим голубем: переворошив все волосы на голове своего хозяина, птица просто уселась у него на голове.

Надо было же случиться такому, что в этот момент в палату ворвалась наша мадмуазель.

– О! Это точно как на фотографии Пикассо с голубем на голове.

– Я знаю. Давно распечатал её и повесил у себя в комнате. И ещё одну. Это та, на которой Пикассо смотрит на свою голубятню. Кажется это в Каннах. Но вилла эта почему то называется «Калифорния».

– А ты знаешь, что его отец...

– Ну, конечно же знаю. Он был анималистом -голубятником. Голубей писал сам, а сыну доверял выписывать птичьи лапки. О голубях я знаю всё.

Видимо голубю надоел этот диалог его хозяина с неизвестной ему девицей. Он сделал круг почёта перед больничным окном и улетел. Ну, улетел, так улетел. Мало ли что бывает. Так, во всяком случае, думал дядя Маис. Да и все остальные тоже.

Но то, что через пару часов наблюдала вся больница, больше напоминало какой-то сюжет фильма про X-файлы, паранормальные явления, а, может быть даже самые яркие хичкоковские кадры. Стаи голубей кружились над больницей. Все соглашались с тем, что стай было несколько, но сколько именно, так никто и не смог назвать. Они то сливались вместе, то разбивались на небольшие группки, а порой просто замирали в небе, наблюдая за головокружительными выкрутасами своих «солистов». Словом, это был какой-то мастер-класс, этакая вершина высшего пилотажа от асов голубиноного царства.

При этом те голуби из стаи, которые исполняли роль солистов, то взмывали вверх, то исчезали из поля зрения, эффектно возвращаясь потом в строй и занимая в нем своё место. Дядя Маис утверждал, что это просто было незабываемое зрелище.

Словом, очевидно, что на «Скорой помощи» на протяжении всего этого шоу никто и ничем не занимался. Все прилипли к окнам и глазели на этот необыкновенный цирк, вдохновителем и организатором которого, конечно же, являлся наш новый больной. Но кто же знал, что теперь это будет повторяться каждый день! Причем, независимо от погоды. А то, что, оказывается, бакинские голуби умеют летать и в сильный ветер, стало для многих просто открытием.

Только мне не повезло. Голуби – дневные птицы, а я, как всегда, дежурил ночью. Но и мне, в конце концов, судьба тоже улыбнулась. Напросился я все-таки в воскресенье на дневное дежурство. И был просто очарован увиденным. До этого момента все мои познания о голубях исчерпывались образом Старой птичницы из «Мэри Поппинс», знаменитым голубиным профилем Пикассо и кое-какими сведениями о голубиной почте. Тем не менее, я был убежден, что птицы – это вообще существа с довольно-таки ограниченным интеллектом и лишь ворона выделяется среди них удивительной способностью к дрессировке. Кто знает, может быть, именно мое скептическое отношение и способствовало тому, что от почти полного равнодушия к голубям я перешел к стадии их

обожания.

Тем временем наш больной Эмиль развлекал всю больницу не просто комментируя эти полеты, но и часами рассказывая про голубей. А знал он о них все. Даже такая диковинная информация о столь нелюбимом мною Чарльзе Дарвине, что он был заядлым голубятником и даже разводил голубей как заводчик, подавалась им с таким количеством подробностей, что все слушали его с открытыми ртами. Причем, каждый находил что-то интересное именно для себя. Словом, это был какой-то особый взгляд на мир именно под своеобразным голубиным углом зрения.

Вообще, надо признать, в этом под два метра ростом голубоглазом красивом парне была заключена какая-то удивительная тайна. Он буквально излучал магнетизм и все, кто с ним сталкивались, подпадали под его обаяние. Им восхищалась вся больница. Истинная мужская стать никоим образом не мешала проявлениям его безграничной доброты и нежности ко всему живому. Мадмуазель же Лала, напротив обладала удивительной способностью вызывать возмущение и негодование у всех наших сотрудников. Говорили, что она с истинно кошачьей грацией и коварством хочет запустить свои когти в этого голубка. Словом, у нас окончательно утвердилось в правах выражение «бедный наш больной». Такая расстановка ролей, когда она – хищница, а он – жертва, казалась всем настолько очевидной, что не требовала даже комментариев.

У меня было полное ощущение того, что я поневоле становлюсь участником какой-то новой мыльной оперы. С той только лишь разницей, что главными действующими лицами нашего сериала были не люди, а голуби. Но следует признать, что в отличие от героев мыльного жанра у нашей мадмузели Лалы, видимо, было очень хорошее чувство юмора. Как-то они с Эмилем обсуждали работы какого-то художника, и выяснилось, что наш больной ничего о нем не знает. Она тут же поняла в чём проблема и язвительно заметила:

– А-а, ясно. Он бедный просто не писал голубей. Даже на втором плане. Вот он и не существует для тебя.

Ответом ей был его заразительный хохот. Однако, когда как-то он вскользь упомянул, что в голубиных парах обычно голубь выбирает голубку, а по статистике голубиные пары самые стойкие в мире, она почему-то вспыхнула и вышла из палаты. Вот так и проходили эти дни, заполненные полётами голубей и флиртом этих голубков, внося некоторое разнообразие в наши рутинные больничные будни. Тем временем выяснилось, что наш дядя Маис живет неподалеку от отцовской дачи нашего больного. Мало-помалу они так разговорились с этим Тимуром, что выяснили даже наличие у них какого-то родства.

Меня это всегда удивляет в бакинцах. Огромный город, а вот встретятся два человека и обязательно найдут общих знакомых, а то и родственников. Как будто в маленькой деревне живут. От него дядя Маис узнал нехитрую историю,

которая фактически и предопределила появление в нашем столичном городе столь неординарного человека, как наш новый больной.

Оказывается, нашего голубятника еще не было на белом свете, когда небольшой домик в нагорной части города, где жила в то время их семья, пошел под снос. Им предлагали взамен квартиру в новостройке. Всю ночь Тимур с ужасом взирал на свою голубятню, мастерски выстроенную на крыше, и раздумывал о том, как же ему жить дальше. Было смешно даже мысленно себе представить голубей, живущих на балконе бетонной девятиэтажки.

Выход, как всегда, подсказала сама жизнь. У его матери был небольшой домик в ближайшем бакинском селе. За селом располагался дачный массив. Там кто-то за очень небольшие деньги предлагал переоформить свою дачу. Дача была с колодцем и садом. Две комнатухи с большой крытой верандой показались ему верхом роскоши. Деньги на покупку ему дала мать, попросив вернуть их в течение года.

К слову, надо сказать, что само увлечение голубями в те годы было, оказывается, достаточно маргинальным занятием. Дядя Маис пояснил мне, что в советское время голубятников клеймили как тунеядцев и деклассированных элементов. Словом, времена восприятия голубиной почты, как стратегического ресурса страны, давно миновали. Они стали как бы развлечением для бездельников.

А ещё дядя Маис, как носитель бесценной информации

о ярких фактах советской истории рассказывал мне, что голубь, как символ мира, был мощным идеологическим оружием в руках советской пропаганды. После победы над фашизмом в странах Европы резко выросла популярность коммунистических партий. Благодаря усилиям такого яркого интеллектуала, как Луи Арагон, начали проходить Всемирные конгрессы сторонников мира. Когда шли поиски для символа этого конгресса, Арагон увидел в мастерской Пикассо живописную работу с голубем.

– Это именно то, что я ищу.

Так голубь стал символом мира. Пикассо посмеивался над этим.

– Эти птицы способны забить более слабого и беззащитного. Они не такие милые, как нам кажется.

Но дело было сделано, и голубь стал символом мира во всём мире. Его начали изображать везде и всюду. И вдруг дядя Маис спросил меня:

– Ты видел большую белую бетонную скульптуру голубя в Сумгаите?

– Да, видел. Но даже никогда не всматривался. И не думал, что это голубь.

– Ведь после своей живописной работы Пикассо просто взял и нарисовал контур голубя. И символом мира стал именно этот рисунок. Так вот этот контур и отображён в сумгаитской скульптуре «Голубь мира». Вагиф делал. Неплохой скульптор. Когда то мы общались.

Получается так, что голубей рисовали, им ставили памятники, но их самих фактически выдавливали из города, оставив за ними лишь право кормиться на каких-то отдельных выделенных местах. Как, скажем, у молоканского садика. Но какие же это были голуби! Я сам, когда был маленьким, подкармливал их и помню, что это были такие разжиревшие экземпляры, что еле-еле двигались. Где уж им летать на невысказанной высоте!

Дядя Маис продолжал мне рассказывать, что переезд с голубями на дачу требовал коренной ломки всего уклада жизни Тимура. Пришлось ему уйти со своего завода и из простого советского инженера переквалифицироваться в профессионального голубятника. Эти перемены не решали основного вопроса: как, и, главное, на что жить? На какие деньги кормить семью, существовать самому и, главное, как содержать голубей? Выход как всегда нашёлся сам. Когда он перевёз часть своих питомцев на новое место, у ворот появился колоритный дядечка в этакой кепке-аэродромчике. Он положил перед Тимуром пухлую пачку денег и достаточно категоричным тоном сказал:

– Вот эту парочку я забираю. Я давно к ним присматриваюсь. Только смотри. Сам знаешь ваши хитрости. Чтобы утром они опять к тебе не вернулись.

Когда он понял, что такого количества денег хватит, чтобы расплатиться с матерью, да еще останется, он дрогнул. Как будто кто-то другой вместо него сказал:

– Да, забирай. Если что нужно – заходи.

Вот так и сложился для него этот принцип мирного существования в собственной семье, который и не снился никаким политикам. По ночам, когда его голуби спали, он работал сторожем. Как только какой-то вновь назначенный участковый пытался его уличить как тунеядца, он гордо показывал удостоверение, выданное ему на работе. Зато весь день принадлежал ему и его птицам.

Не выносившие даже голубиноного духа, жена и три его дочери смирились с тем, что столь нелюбимые ими птицы обеспечивают им безбедное существование. Кругом все стали Тимура называть просто голубятником. Они знали, что он продает наиболее ярких птиц истинным любителям и неплохо зарабатывает на этом. Сам он, правда, несколько стеснялся этого бизнеса, говоря, что он первый в роду, кто торгует своей любовью. С его точки зрения, это была почти проституция. Торговля, тем не менее, давала немалый доход, и он справил своим дочерям достойное приданое, выдал их замуж и считал, что с честью исполнил свой долг главы семейства. И в свои сорок с небольшим он почему-то чувствовал себя почти патриархом. Дочери, зятья, внуки. Словом, все как у людей.

Правда, торговля голубьями год от года хирела, да и, честно говоря, во всем городе оставалось всего лишь несколько истинных ценителей. Все это была уже, как говорится, «уходящая натура». Иногда кто-то из этих стариков присылал за

ним машину и просил его поднять птиц в воздух. Пока голуби летали, все они радовались как маленькие дети. Даже если могли наблюдать эти полеты в инвалидной коляске, а то и лежа в кровати. Самое удивительное было то, что каждый из них, независимо друг от друга, произносил одну и ту же фразу:

– Эх, почему я не птица?!

А что он мог сказать им? Он ведь тоже мечтал летать и быть птицей. Так и остался в душе птицей. Птицей, не умеющей летать и на всю жизнь обреченной оставаться в человеческом обличье.

А тут судьба неожиданно-негаданно преподнесла ему необычный подарок. Жена в последнее время стала жаловаться на недомогание. Обычно она приезжала к нему в пятницу с запасами на всю неделю, а в воскресенье вечером, забрав свои кастрюли, возвращалась в город. В этот раз еду привез старший зять, сказав, что теще стало совсем плохо и ее повели к врачу. Однако наутро жена появилась на даче собственной персоной. Вся из себя потерянная и немножко пристыженная.

Врачебный вердикт просто ошеломил его. Недуг оказался банальной беременностью. Муж и жена, в силу какой-то ложной стыдливости, испытывали, прежде всего, чувство глубокой вины. Первой мыслью было: а что люди скажут? Ведь внуки уже растут, а тут на тебе. Однако аборт делать было поздно и вот, таким образом, после трех дочерей появился

в их семье сын. Как только мать перестала кормить его грудью и мальчик стал ходить, он забрал его к себе на дачу. К себе и своим голубям. Он рано научил сына писать и читать. Смышленому парню, который все хватал на лету, учеба давалась удивительно легко. Он и на биофак университета поступил как бы между делом, играючи. Удивив всех тем, что человек, который мог бы по баллам спокойно попасть в медицинский, желает учиться именно на биофаке. Откуда они могли знать, что его интересовали не люди, а птицы. Помимо любви к природе, от отца сыну досталась и эта чарующая грация птицы, которая еще не взлетела, но вот-вот взлетит.

Жизнь на свежем воздухе и, что называется, на подножном корму приучила его к сыроедству. То ли это, то ли постоянное желание быть выше и ближе к своим любимцам сделали его таким рослым, что он сразу выделялся среди любого количества людей своей статью и осанкой. Недюжинный интеллект и на удивление правильные черты лица в сочетании совсем остальным, автоматически превращали его в любимца женщин. В нашей больнице все женщины разве что не молились на него. Но эта атмосфера всеобщего обожания ничуть не портила его и воспринималась им как нечто должное. Кто знает, может так и должно было быть.

Между тем, медицинские дела Эмиля внушали всем, в том числе и нашему травматологу, постоянное беспокойство. Я всегда считал, что есть две области в медицине, которые мало изменились с периода средневековья – это травма-

тология и стоматология. Самые варварские методы и самая примитивная техника, но альтернативы всему этому пока ещё никто не придумал. Вся эта жуткая металлическая конструкция, которая появилась после операции на ноге Эмиля, всячески отторгалась его организмом. Назначенное медикаментозное лечение давало какое-то успокоение, но ненадолго.

Мадмуазель Лала настаивала, что надо ехать в Стамбул. Но Эмиль упорно сопротивлялся этому, считая, что он не имеет права взваливать на чужих людей такие расходы. Поэтому, он просто боялся, что она в первую очередь хочет разлучить его с его любимыми голубями. И боялся даже себе в этом признаться. Ведь стоило ей появиться в оконном проеме рядом с ним, как голуби завершали свои виражи и улетали. Первый раз все подумали, что это совпадение, но когда это стало систематически повторяться, по больнице поползли слухи, что избранницу Эмиля голуби встретили в штывки.

Самой мадмуазели, видимо, это было до лампочки. Фотографии голубей со своего айфона она перенесла в соцсети, с гордостью сообщив друзьям, что так эти чудесные птички приветствуют ее и ее избранника. Конечно же, Эмиль явно не одобрял всего этого. Да и все эти тусовки в сетях он считал уделом бездельников.

Мы все в больнице удивлялись тому, что Лала всегда создавала проблемы даже там, где их в принципе не могло быть. Последний ее разговор с отцом дал новую пищу для

пересудов всем кумушкам нашей больницы.

– Папа, ты должен радоваться, а ты все ворчишь. Мужчин моего роста, возраста и интеллекта в этой стране единицы! Наконец-то я не просто встретила такого красавца, а влюбилась в него. А от одного вида ваших с мамой женихов меня просто мутит. Радуйся.

Папа пытался радоваться, но не очень то это у него получалось. Тем не менее, такой мощный генератор энергии, как мадмуазель Лала, всё таки добилась своего. Они все же уехали и именно туда, куда она хотела. В одну из самых крутых клиник Стамбула. Два-три года тому назад я был в той клинике в связи с предстоящей операцией брата. Должен признаться, что это не просто совершенно другой уровень лечения, но и самого понимания того, что такое современная медицина.

Первые же весточки подтвердили, что нога быстро пошла на поправку. Вскоре Эмиля вообще перевели на амбулаторное лечение. Правда, его реабилитация проходила очень тяжело. Всё таки лёгкая хромота у него пока оставалась. У нас как-то с ним стихийно наладилась переписка. Иногда он писал мне по несколько раз в день и я, естественно, отвечал. Иногда мог и неделями молчать. А я писал каждый день. Сообщал ему, что голуби продолжают свои полеты. Убедившись, что его нет в палате, они после двух-трех кругов над больницей улетают. Но вновь и вновь возвращаются. Каждый день. Как будто по утвержденному кем-то расписанию. Уле-

тают и вновь возвращаются.

Вот так и прошёл целый месяц. Голуби совершали свои постоянные облеты вокруг больницы, внося в больничные будни какое-то ощущение то ли хаоса, то ли праздника. Это было, по крайней мере, нескучно. Но так думали не все. Кому-то это казалось просто кошмаром. Кто-то приучил себя к тому, что не надо просто обращать на это внимания. Однако наш главврач не нашел ничего лучше, как обратиться за помощью в Академию наук.

Его тоже можно было понять. Ведь об этих полетах уже говорил весь город. Люди пересылали друг другу видеосюжеты. Растущие слухи об уникальной любви голубей к своему хозяину обрастали всё новыми подробностями и домыслами. Несколько раз я сам вынужден был пробираться сквозь толпу зевак у больницы, наблюдающих за полётом птиц и беспрерывно снимающих всё это на свои телефоны. Даже я понимал, что всё это совсем не способствует нормальной работе «Скорой».

У нас же дома отец с матерью даже держали пари. У отца была парочка душераздирающих концовок этой истории. Самый «гуманный» его вариант включал в себя сцены с массовым истреблением голубей со стороны молодчиков из охраны мадмуазели.

– Они ведь все такие. Стремятся всегда ударить по самому дорогому. Ведь ты сам говорил, что голуби её невзлюбили.

В папе жила такая неумная страсть к социальной спра-

ведливости, что он мечтал все эти джипы с молодчиками пустить под каток. И зачем я ему про этот «Хаммер» рассказывал?!

Мамины же прогнозы заканчивались веселой свадьбой. Да, мало мне было обычных маминых тем. Теперь я еще выслушивал рассуждения на тему, что такое семья и что должно лежать в ее основе: светлая любовь или зов плоти, предначертанность судьбы или общность интересов – вариантов была тьма. Мои комментарии на тему о том, что все это чистейшей воды физиология, воспринимались мамой, как банальные пошлости. После того, как я осмелился сказать, что через пару минут после первой встречи мужчины и женщины появление тех или иных ферментов в крови дает сигнал в мозг о том, подходят эти люди друг другу или нет, мама три дня со мной не разговаривала.

Тем временем, академические орнитологи, которые лишь теоретически могли расписать повадки той или иной птицы, оказались бессильны перед решением столь сложной задачи, как отвадить голубей от больницы. Дядя Маис посмеивался, приговаривая, что надо было вызвать хорошего голубятника. Он бы пару раз свистнул как надо, и они бы улетели. Но кто же будет следовать нашим советам, когда кругом столько ученых мужей?

Мы все еще были в самом пекле этих страстей, как вдруг однажды утром голуби не прилетели. Время подошло, а их все нет. Дядя Маис тут же произнес пророческую, с моей

точки зрения, фразу:

– Значит, они уже дома. Эмиль вернулся.

Однако это был тот самый уникальный случай, когда интуиция его подвела. Фраза оказалась совсем не пророческой. Даже вечерний поход дяди Маиса на дачу тоже не дал никаких результатов. Ворота были закрыты, и кругом стояла какая-то подозрительная тишина. И Тимура он нигде не нашёл.

Через несколько дней, когда в перерыве между двумя лекциями я открыл электронную почту, то прочел письмо, которое просто поразило меня. Да, оказывается, чудеса и подвиги наблюдаются не только на страницах любовных романов. Наша мадмуазель оказалась не просто прекрасным организатором, но и незаурядным режиссером. Во всяком случае, встречу своего избранника с его питомцами в Стамбуле она продумала до таких мелочей, что добилась оглушительного эффекта. Неудивительно, что обычно немногословный и скупой на восторги Эмиль, разразился каким-то хвалебным гимном в её честь.

Видимо, она еще в первые дни голубиных полетов поняла простую истину, что для него общение с голубями такая же неотъемлемая часть его жизни, как чисто физиологическая потребность дышать, есть, думать, а может быть, еще важнее. Ведь за эти годы из доставшегося ему от отца голубино-го наследия он создал абсолютно новую генерацию, которую хорошо знали голубятники во всем мире. Хорошо помню, что его отец с гордостью говорил нам, что сын торгует голу-

бями не на вынос, как когда-то делал он, а по специальным заказам, поступающим из разных стран.

А ещё его голуби участвовали в каких-то крутых аукционах. Дядя Маис под страшным секретом рассказал мне, что пара гоночных голубей Эмиля принесла ему такие деньги, о которых он даже не смел мечтать. Именно тогда, когда ему перевели эти деньги, он согласился поехать в Стамбул. Его условия были просты: своё лечение он оплачивает сам. Мадмуазели пришлось с этим смириться.

Словом, мадмуазель наконец то поняла такую простую вещь, что её избранник может прожить без многих вещей. А без своих голубей просто помрёт. Очевидно, что она еще в Баку начала кропотливую подготовку по получению кучи разрешений, справок, ветеринарных экспертиз и выстраиванию маршрута перевозки голубей в Стамбул. Она учла все. Ведь ей было необходимо еще два года доучиваться в Стамбуле, но она уже не мыслила себе жизни без своего избранника. Как хороший аналитик, она усекла, что голуби – это фон, который надо сохранить. Это как подмалевка у художника. Что ты будешь писать на этом фоне – твой вопрос. Но нет картины без подмалевки. Да, если любовь и требует жертв, то, наверное, в такой же мере она требует и самоотверженности. Было приятно осознавать, что вопреки нашим прогнозам, в Лале этой самоотверженности оказалось достаточно много.

Эмиль с восторгом описывал в письме то место, которое

она нашла в суматошном Стамбуле. Всего в двадцати минутах езды от кольцевой дороги. Это было, как говорят турки, «ситэ», то есть такая охраняемая территория с домами и виллами. И где? Кругом был почти что девственный лес. И именно здесь, на небольшой поляне среди деревьев, она сумела выискать особняком стоящую виллу с вполне приличным участком. На нем она и ухитрилась соорудить совершенно уникальную голубятню.

А ещё он послал фотографии. Они впечатляли.

– Где она, интересно, раздобыла эти чертежи? – спрашивал он у меня в письме.

Как будто я мог знать ответ на этот, безусловно, риторический с моей точки зрения вопрос. А ещё он писал, что когда его привезли туда и он оказался в окружении своих любимцев, то сердце его готово было вырваться из груди. Он даже не заметил, что его отец стоит неподалеку и с улыбкой поглядывает на него. Теперь у него было почти все, что нужно человеку для счастья.

– Мне так хорошо, что я, совсем как моя бабушка, боюсь сам себя сглазить.

Именно этой фразой и заканчивалось письмо.

Да, воистину, талантливый человек талантлив во всем. Вот если бы она еще научилась нормально водить машину, цены бы ей не было. Никак уж не ожидал, что эта избалованная папенькина дочка окажется способной на такие неординарные поступки.

Пока я читал это письмо, то поневоле испытывал неловкость оттого, что и я, как многие другие, изначально был убежден в том, что наш больной станет всего лишь очередной игрушкой в руках этой мадмуазели. Слишком уж силен был контраст между этими двумя незаурядными личностями.

Дядя Маис теперь каждое дежурство рассуждает на тему о том, пригласят нас на свадьбу или нет. И, самое главное, где будет свадьба – в Баку или в Стамбуле. Ведь, оказывается, бакинцы сейчас любят справлять свадьбы в Турции. На поверку это оказывается даже не дороже, чем в наших крутых домах торжеств, но гораздо веселее. Я же думаю о том, хотя порой любовь и бывает зла, но у нашей голубиной истории оказался вполне голливудский хеппи-энд. Словом, впору переписывать с новыми героями популярные сюжеты о собачьей преданности.